

Н. К. Котова,

*доцент кафедры юридических дисциплин Академии экономики и права, кандидат
юридических наук*

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОГО НАСИЛИЯ

Проблема насилия представляет собой одну из глобальных проблем человечества, которая затрагивает все сферы жизни людей и находит проявление в различных формах. Многие направления современной науки пытаются найти причины роста агрессивности в обществе, определить условия, способствующие ее зарождению и проявлению.

Следует отметить, что подобный интерес существовал всегда. Подтверждения этому можно найти и в античной литературе, и в средневековом искусстве, и в русской классике, и в европейском авангарде. Однако ныне заметна тенденция осовременить проблему, придав ей новое звучание посредством выделения отдельных вопросов и обозначения их как новые, и потому особенно актуальные. То принимается закон о бытовом насилии, то обсуждается проблема гендерного равенства, в которой рассматриваются вопросы насилия против женщин. СМИ постоянно вызывают в обществе страх перед преступностью, без устали обрушивая на него все новую информацию о насилии против детей, фактах агрессивного поведения на дорогах, жестоком отношении к животным и т.д. и т.п.

Мы не разделяем стремления к подобной дифференциации насилия, поскольку убеждены в том, что справиться с такой проблемой и эффективно контролировать частные ее проявления можно лишь рассматривая насилие как цельное явление, детерминированное общими факторами. Не может быть «насилия вообще» или «в частности», нравственного или безнравственного, хорошего или плохого, доброго или злого. Не существует насилия вне конкретной реальности, вне нашего мышления, вне оценочных категорий конкретных людей и человеческих сообществ. Лишь мышление конкретных людей, преломление какой-либо информации через проекцию своего сознания придает объективно существующему явлению природы, социальной или личной жизни ту или иную окраску¹. Не познав явление целиком, не уяснив причины и условия его существования как такового, мы не сможем повлиять на него. На наш взгляд, дробление тотальной проблемы насилия и агрессивности в современном обществе на модные ныне отдельные темы и вопросы умаляют ее значение и ведут к недооценке как ее самой, так мер, направленных на ее решение.

Лучшие умы человечества на протяжении веков пытались познать природу насилия, агрессивности, жестокости и кровожадности, с незапамятных времен существующих в человеческом обществе. Накопленный опыт, безусловно, может сегодня служить основой дальнейшего изучения агрессивного поведения человека, выступая первоисточником знаний, способных повлиять на него. Наиболее интересными и перспективными в этом смысле нам представляются школы, оценивающие проблему с разных, нередко полярных точек зрения.

---

¹ См.: Г.В. Дерягин Криминальная сексология. – М., 2009. – С. 220.

На наш взгляд, до сих пор не потеряли своего значения идеи школы инстинктивизма Зигмунда Фрейда и неоинстинктивизма Конрада Лоренца, а также взгляды Чезаре Ломброзо о врожденном преступном начале человека. Суть их заключается в предположении биологической, инстинктивной, запрограммированной сущности человеческой агрессивности. Бесспорно, агрессивность человека имеет гормональную и генетическую природу, однако нельзя не заметить и значительное влияние на нее социальных и ситуационных факторов. Более того, если уж проследить связь биологического и социального в поведении, то можно заметить, что социальные факторы способны влиять даже на поведение животных. Так, побежденный в схватке с соперником самец теряет свою агрессивность вследствие действия инстинкта самосохранения, выживания, что позволяет ему спасти свою жизнь.

Немецкий исследователь Э. Фромм критиковал основоположника психоанализа за то, что З.Фрейд завуалировал феномен агрессии, сведя ее разнообразные типы, выражающиеся при неодинаковых обстоятельствах и в различных формах, к инстинкту, проявляющемуся у человека, по мнению З. Фрейда, так же как и у животных¹.

Фрейдовский физиологический принцип объяснения многих человеческих страстей и личностных качеств, в том числе и агрессивности, Э. Фромм заменил социобиологическим принципом историзма. В своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» он, опровергая сравнение человека с животным как исследовательский принцип, отмечает, что «человек – единственный представитель приматов, который без биологических и экономических причин мучит и убивает своих соплеменников и еще находит при этом удовольствие»². При этом ученый утверждает, что животным свойственна биологически обусловленная приспособительная агрессия, смысл которой, заложенный в нее природой, заключается в сохранении жизни. По наблюдениям биологов, такая агрессия среди животных направлена не на уничтожение соперника, а имеет целью лишь отпугивание врага.

Философы-просветители XVIII века, как представители «теории среды», напротив, считали, что особенности поведения человека не являются врожденными, а формируются исключительно под влиянием социального окружения. «Только просвещенный разум дает нам ... исходный пункт для распознавания справедливого от несправедливого, морального от дурного»³, – утверждал Ламетри, по убеждению которого только хорошее общество и просвещение могут обеспечить формирование нравственного, хорошего человека. По мнению представителей этой школы, человек рождается изначально добрым и разумным, но дурное окружение и дурные примеры формируют в нем плохие наклонности.

Отрицание определенной внутренней биологической заданности в человеке свойственно и представителям бихевиоризма – одной из ветвей американской психологической теории конца XIX – начала XX веков. В основе этого направления психологии лежит понимание поведения человека и животных как совокупности двигательных, вербальных и эмоциональных ответов-реакций на воздействие внешней среды. Согласно бихевиоризму, у человека при рождении имеется относительно небольшое число врожденных схем поведения, таких как дыхание, глотание и т.п., над которыми надстраиваются более сложные процессы, вплоть до образования сложнейших «репертуаров поведения». В процессе формирования индивидуума наиболее удачная реакция закрепляется как поведенческий стереотип и имеет тенденцию к повторению.

В бихевиоризме можно заметить своеобразное продолжение теории среды, исходя из которой агрессивность воспринимается приобретенной формой поведения, ответом,

¹ См.: Фрейд З. Мы и смерть / С.Рязанцев. Танатология. – СПб., 1994

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994. – С. 23.

³ См.: Ламетри Ж. Сочинения. – М., 1983. – С. 509

реакцией на воздействие внешней среды, проявлением определенного стремления человека добиться преимущества в жизни.

Автор теории врожденной, т.е. инстинктивной агрессивности З. Фрейд подметил некий позитивный компонент, определив в ней изначальную направленность природой на сохранение биологического вида, на продолжение рода. Рассуждая о сексуальном компоненте агрессивности, Фрейд отмечал, что «сексуальность большинства мужчин содержит примесь агрессивности, склонности к насильственному преодолению, биологическое значение которого состоит в необходимости преодолеть сопротивление сексуального объекта еще и иначе, а не только посредством акта ухаживания»¹.

В общем представлении механизм конструктивной агрессии, безусловно, присутствует у человека, будучи генетически заложенным и аналогичным подобному механизму животных. Отрицать этот факт, подобно последователям теории среды или бихевиоризма, нельзя. Объяснение причин человеческого насилия только влиянием социальной среды – такое же заблуждение, как и переоценка биологических детерминант агрессивного поведения. Истоки агрессивности имеют гораздо более сложную природу, обусловленную совокупностью и биологических, и социальных начал человеческой сущности.

Нам представляется верным мнение Ю.М. Антоняна, утверждающего, что «агрессивность – это врожденное качество, а не результат социализации, хотя в процессе воспитания и формирования личности данное качество может усиливаться либо, наоборот, снижаться, сниматься другими свойствами и социальными запретами, аккумулированными в человеке»².

Агрессивность – сложный феномен, компоненты которого имеют различную генетическую природу и различную причинную обусловленность. По мнению Э. Фромма, правильность которого подтверждается современной судебной-следственной практикой по делам о насильственных преступлениях, можно выделить поведение человека, связанное с обороной, с ответной реакцией на реальную или потенциальную угрозу, которую автор называет доброкачественной агрессией, и, напротив, немотивированную внешнюю ситуацией, агрессию злокачественную.

Злокачественная агрессия проявляется как несвойственная природе большинства биологических видов страсть к господству над другим живым существом, как стремление к разрушению. Природа такой агрессивности социальна. Ее истоки кроются в пороках культуры, воспитания и образа жизни человека. В отличие от животных, человек бывает агрессивным и склонным к насилию по отношению к другим людям независимо от наличия угрозы в личности или поведении последних и вне связи с удовлетворением насущных потребностей³.

Биологи выявили в поведении животных механизм, сдерживающий крайнее проявление агрессии, названный ими «Не убивай», который препятствует повышенной агрессивности. У человека, как более организованного, мыслящего и потому высшего биологического вида, внутренний запрет на причинение вреда другому человеку устанавливается не таким примитивным мотивом, как у животных, а сложным социализированным осознанием своей общности с другими людьми и сочувствия им. Современное общество, разрушая социальные связи, способствуя отчуждению личности, создает затруднение функционирования этого механизма в ее сознании.

По наблюдениям психологов, десоциализация личности способствует развитию индивидуализма, который имеет тенденцию трансформироваться в эгоцентризм. У эгои-

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М., 1995. – С. 456.

² Антонян Ю.М. Психология убийства. – М., 1997. – С. 18.

³ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1997. – С. 672

ста теряются способность к объективной оценке самого себя и окружающих, а ценность чужой личности, ее прав и даже жизни постепенно утрачивается. «Лишенное корней, уходящих в семейную, общинную, трудовую мораль, человеческое «Я» расплывается: мотивы поведения начинают формироваться в отрыве от ценностей устойчивой социальной группы, то есть в значительной степени лишаются смысла. Публично одобряемые цели и идеи, не превращаясь во внутренние убеждения, становятся формальной условностью. Мораль перестает править поступками, уступая место пользе, удобству, а иногда – физической потребности. И в этом можно найти объяснение «немотивированной» жестокости, «бессмысленных» преступлений»¹.

Для обозначения подобного состояния в конце прошлого века французский социолог Э. Дюркгейм ввел понятие «аномия». Им же разработана теория, суть которой заключается в том, что разрыв общественных связей ведет к постепенному снижению интересов личности

до уровня примитивных потребностей, к утрате умения и желания общаться с другими людьми, к росту конфликтности, как следствию такого неумения разрешать противоречия межличностного общения «мирным путем»².

Человеческое общение – одна из важнейших сторон индивидуальной формы бытия человека как общественного существа. Ю.М. Антонян называет общение специфической чертой межличностного взаимодействия и отмечает при этом, что «отчуждение в социально-психологическом плане представляет собой как бы уход человека из такого взаимодействия, имеющий существенные психологические и социальные последствия, порой необратимые и носящие криминогенный характер»³. При этом насилие становится следствием выбора программы собственного поведения и используется в качестве средства достижения различных целей и удовлетворения потребностей, возникающих на основе усвоения антисоциальных взглядов (эгоистических, корыстных, иногда ярко выраженных бесчеловечных и пр.)⁴.

Психологические последствия отчуждения выражаются в отсутствии эмоциональных контактов между людьми, в специфическом восприятии личностью окружающего мира как чуждого и враждебного, в разрыве между ее ожиданиями, желаниями и действующими социальными нормами. Своеобразный комплекс неполноценности, в той или иной степени свойственный любой психологически или социально отчужденной личности, ведет к тому, что непонимаемые или непринимаемые ею свойства другой личности или формы ее поведения могут восприниматься как враждебные, угрожающие и потому требующие ответной реакции.

Как писал Ф. Искандер, «наш человек готов пойти на самое страшное преступление, если ему будет обещано равенство перед разбоем. Он не понимает и не принимает равенство перед законом. Такого закона у него никогда не было, и то, что выдавало себя за такой закон, всегда было обманом. Госка по равенству уходит в летучее равенство разбоя. Разбой превращается в момент истины. Мечта о равенстве перед разбоем настолько его очаровывает, что он не только не думает о жалости к жертве, он заранее уверен в ее вине, хотя бы потому, что она для него бездуховна как скот и, следовательно, резать ее можно как скот»⁵.

¹ Стариков Е. Маргиналы, или Размышления на старую тему: Что с нами происходит? // Знамя. 1989, №10. – С. 155.

² См.: Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. – СПб., 1914, №2. – С. 60-77.

³ Антонян Ю.М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право, 1989, №8. – С. 53.

⁴ См.: Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. – М., 2009. – С. 133

⁵ Искандер Ф. Человек и его окрестности // Знамя, 1992, №8. – С. 4

Социально отчужденная личность, отлученная от естественного чувства собственного достоинства и самоуважения, в конце концов гибнет как личность, утрачивая всяческие ценностные ориентиры. Но в силу своей природы человек не может безропотно смириться с этим и оказывается перед выбором – либо сопротивляться подавляющей силе, что трудно и небезопасно, либо, найдя кого-то слабее себя и унижив его, почувствовать собственную силу и значимость. Этот, по определению И. Канта, «скорее сатанинский, чем человеческий образ действий» позволяет социально ущербной личности утвердить свое «Я». Чужие мощь и власть вызывают у нее преклонение и страх, а такие же, как она сама бессильные люди, – презрение. Весь облик беспомощного индивида вызывает стремление к нападению, унижению его. Таким образом, являясь в определенном смысле жертвой общества и государства, такой человек пытается избавиться от своей «жертвенности», уничтожая жизнь, здоровье, достоинство или свободу другого, превращая его в жертву собственного преступления. Связи между преступником и жертвой возникают, по нашему мнению, зародившись внутри самого общества, конфликтного и противоречивого. Один оказывается готовым к совершению преступления, а другой живет в постоянном страхе и готовности стать его жертвой.

На уровне индивидуального проявления, в зависимости от конкретно сложившихся обстоятельств, жизненной ситуации, их влияния на личность, преступник и жертва могут поменяться своими ролями. Как справедливо утверждал В.В. Денисов, «направляющими факторами мотивации человеческого поведения в тех или иных конкретных жизненных ситуациях, конечно, могут быть определенные внутренние, врожденные и приобретенные модели поведения. Но в формировании таких внутренних моделей поведения у человека решающая роль принадлежит социальным факторам»¹. Таким образом, проблема насильственной преступности выступает как проблема взаимодействия и взаимозависимости индивидуального поведения личности и общественной жизни.

Некоторые западные ученые (Х. Дельгадо, Б.Ф. Скиннер, Дж. Макконэл и другие) считают необходимым дифференцировать понятие «насилие» и подразделяют его на два вида. К первому виду предлагается относить все проявления «эмоционального» насилия, в основе которого лежат бессознательные факторы, выражающие присущие человеческой природе чувства и потребности – страх, соперничество, честолюбие, эгоизм, любовь и т.п. Второй вид насилия, определяемый как «антисоциальный», является сознательной поведенческой реакцией индивида, преднамеренно и целеустремленно направленной против интересов, свободы, здоровья или жизни других людей. Согласно теории Х. Дельгадо и его последователей, в мозге участника любого конфликта определенные группы нейронов реагируют соответствующим образом на сенсорную информацию, в результате чего и возникают поведенческие реакции, представляющие собой насилие².

Не умаляя значение данной теории для познания механизма индивидуального агрессивного поведения, отметим, что поиски решения острых проблем современного общества только в области психической жизни и эмоциональных реакций человека, в особенностях функционирования его сознания и психики, в искусственной модификации человеческого поведения вряд ли могут быть успешными. Общество может и должно влиять на поведение человека не посредством механического вторжения в его мозг и сознание, а созданием условий, позволяющих ему проявлять и удовлетворять свои потребности правомерными и доступными ему способами.

Определенные условия формирования человека и его бытия могут оказаться причиной того, что в его личности начинают доминировать такие свойства личности, которые Э. Фромм называл комплексом деструктивных страстей – садомазохизм, жадность,

¹ Денисов В.В. Социология насилия. – М., 1971. – С.135.

² См.: Дельгадо Х. Мозг и сознание. – М., 1971. – С.135

зависть, мизантропия. Так, современные исследования серийных убийств установили, что личности таких преступников свойственны некие общие черты – многочисленные комплексы неполноценности, порожденные особенностями воспитания, жестокостью со стороны родителей или иных родственников, непониманием окружающих взрослых и неприятием детей, привычными с детства одиночеством и страхом, нередко мужской несостоятельностью и другими¹. При этом установлено, что для таких преступников заставить кого-либо испытать боль, страх или унижение, когда жертва оказывалась лишена возможности защищаться, по их собственному признанию, означало проявление и ощущение собственного абсолютного господства и удовлетворение не столько сексуальных потребностей (которые нередко по-другому они удовлетворить действительно не могли), сколько потребности в самоутверждении. При этом для них не имело значения, над кем таким чудовищным способом достигается власть – над животным, ребенком, мужчиной или женщиной².

Подобные крайние формы проявления насилия и агрессии всегда продуцируются культурой «деструктивного социума», при котором характер человека – субъективное его отражение. Преступника можно считать человеком, которому не удалось стать тем, кем он мог бы стать в соответствии со своими внутренними потребностями. Безусловно, отдельным личностям, вопреки сложившимся условиям и благодаря субъективным факторам – позитивному влиянию семьи, авторитету родителей, таланту педагогов и другим удается полностью развернуть свои способности и в современном обществе. Однако для сдерживания насилия и агрессивности в обществе необходимо, чтобы все его члены были включены в творческий процесс общественного развития.

Положение в социуме очень тесно коррелирует с ситуацией в малых социальных группах, особенно в семье. Деструктивная атмосфера, распад семейных связей сильнее всего отражается на детях и подростках, вызывая лавинообразный рост жестокости, агрессивности, цинизма и варварства. По свидетельству специалистов (психологов, врачей-психиатров, криминологов, педагогов), это не что иное, как проекция отношения детей к родителям, ответная реакция на дефицит родительского чувства. Эмоциональное отторжение со стороны родителей трансформируется в психике подростка сначала в недоверие, замкнутость, скептицизм, а затем в равнодушие и агрессивность и стремление заявить о себе, обратить на себя внимание близких посредством подобного вызывающего поведения³.

Воспринимая объективно существующие в обществе негативные условия как основные детерминанты отклоняющегося поведения вообще и агрессивно-насильственного в частности, предполагаем, что пути решения проблем, связанных с ним, следует искать в позитивных изменениях самого общества и, в первую очередь, в восстановлении человеческих связей, нормального взаимодействия личности со средой, с конкретным социумом и, наконец, с обществом в целом. Разрушение общества, расчеловечивание человека начинается именно с разрыва этих связей. Подобные закономерности особенно ярко прослеживаются в сравнении преступности, особенно насильственной, в городах и сельской местности. При этом отмечается, что чем выше численность населения, чем экономически более развит тот или иной населенный пункт, тем больше у людей, проживающих в нем, возможности ощущать свою «независимость» от других. Иначе говоря, чем меньше у них общих интересов, тем меньше между ними

¹ См.: Бухановский А.О., Бухановская О.А. Психические расстройства у серийных сексуальных преступников. Аналитический обзор. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 72.

² См.: Баронин А.С. Психологический профиль убийц. Пособие по криминальной психологии и криминалистике. – Киев, 2001. – С.89-102.

³ См.: Бэрн З., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб, 1999. – С. 92-96

социальных связей и взаимозависимости, но тем выше конфликтность и, соответственно, уровень агрессии и насилия.

Самостоятельным разделом изучения преступного насилия является исследование этого феномена на личностном, индивидуальном уровне, которое охватывает широкий круг социальных и психологических вопросов. Однако для выяснения механизма преступного насилия, срабатывающего на таком уровне, требуется выяснение внешних ситуационных воздействий, так или иначе обуславливающих совершение насилия, влияющих на процесс мотивации преступления.

Многочисленными криминологическими исследованиями установлено, что агрессивно-насильственное поведение находится в причинной связи со специфическими межличностными отношениями (как правило, конфликтного характера) и целым комплексом других побудительных механизмов.

Весьма перспективным в криминологическом плане видится анализ насильственной преступности по мотивации. Сегодня он может быть недостаточно обеспечен статистически, потому что мотивация насильственных преступлений, даже при условии, что по большинству уголовных дел она устанавливается, чаще всего не включается в официальные документы учета преступлений и лиц, их совершивших, за исключением сведений о некоторых мотивах совершения преступлений, имеющих квалифицирующее значение. Однако в соответствии с действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан мотив преступления включен в предмет доказывания по уголовным делам. Именно поэтому учет насильственных преступлений не только по объекту и по характеру наступивших последствий или другим уголовно-правовым признакам, но и по их мотивации представляется не только необходимым, но и вполне возможным.

Более того, нередко органы уголовного преследования пренебрегают точным установлением мотива как квалифицирующего состава признака преступления, допускают ошибки в понимании его содержания. Не ставя в данной работе целью специально оценивать эти моменты, тем не менее, заметим, что в судебно-следственной практике не всегда правильно и психологически точно понимается содержание таких преступлений, как хулиганство или иных, совершенных с особой жестокостью. Хотя именно определение мотива хулиганства, связанного со стремлением к самоутверждению, или понимание особой жестокости не как способа совершения преступления, а специфического свойства личности виновного, стало бы залогом точной и правильной оценки подобных преступлений.

На основе отдельных норм уголовного закона, а также уголовно-правовых и криминологических исследований можно выделить такие часто встречающиеся в насильственных преступлениях мотивы, как ревность, месть, корысть, хулиганские, сексуальные и другие личные побуждения, которые носят открытый и крайне эгоистический характер. Столь специфическое содержание мотивации при совершении различных по объекту преступлений (убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований, хулиганства и др.) позволяет объединить их в одну криминологическую группу. Такое объединение обусловлено в неменьшей степени сходством объективной стороны этих деяний, характеризующейся физическим насилием или угрозой его применения.

На основании этого критерия в структуре преступности выделяется группа насильственных преступлений, в которую включаются преступления, совершенные по самым различным мотивам, но схожим способом, так или иначе связанным с насилием. Однако нам представляется более правильным и строгим относить к насильственной преступности те или иные преступления, исходя не из способа, а из мотива, который, будучи связан с ревностью, местью, ненавистью, завистью и прочим, тем не менее, всегда оказывается агрессивным. В криминологическом смысле им следовало бы характеризо-

вать те преступления, в которых насильственные действия, прямо направленные на причинение того или иного вреда жертве, являются не средством, а целью преступника.

Ежегодно в Казахстане совершается большое количество разбойных нападений, многие из которых перерастают в убийства. Уже не вызывают удивления так называемые «заказные» убийства, в которых корыстные побуждения сочетаются с насильственными путями их удовлетворения. Подобной спецификой отличаются также бандитизм, грабежи, вымогательство и др. Однако, исходя из доминирующего мотива, их, по нашему мнению, следует отнести к корыстным преступлениям. При этом мы не исключаем возможности совершения таких преступлений и по эгоистическим мотивам самоутверждения, когда корыстные цели являются побочными или вообще отсутствуют.

Особенно характерно сочетание таких мотивов для преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Как отмечал В.В. Лунеев, «некоторые подростки совершают разбой или грабеж не только и не столько ради денег, сколько из-за желания утвердить себя в глазах своей референтной группы. В ряде случаев их преступное поведение может быть полимотивированным, где вообще трудно выделить ведущий мотив»¹.

Таким образом, можно заметить, что четкую границу между насильственной и корыстной мотивацией обозначить довольно трудно. Наверно, именно поэтому в криминологической литературе нередко используется термин «корыстно-насильственные преступления». Однако, бесспорно, что эти мотивации очень различаются по своим исходным детерминантам, равно как по криминологическому содержанию и методам социальной коррекции.

В этом смысле интересна дифференциация насильственных преступлений, предложенная А.Р. Ратиновым и О.Ю. Михайловской. Они различают «утилитарно-жестокие» и «агрессивно-жестокие» преступления². Воспринимая жестокость как личностную черту, которая не всегда проявляется даже в насильственных преступлениях, мы склонны расширить предлагаемые авторами понятия до «утилитарно-насильственных» (выше обозначаемых нами как корыстно-насильственные) и «агрессивно-насильственных», предполагая, что они всегда сопровождаются насильственными действиями.

Таким образом, в отличие от утилитарно-насильственных преступлений, когда причинение страданий служит средством реализации преступных целей, способом завладения определенным благом, в агрессивно-насильственных страдания другого человека служат непосредственной целью субъекта, являются формой утверждения ценности своего «Я». В их основе лежит более глубокая деформация личности, при которой источником нередкой жестокости является почти полная девальвация ценности другого человека.

У насильственных преступников, как видно из многочисленных исследований их личности, имеет место наиболее глубокое нарушение ценностных отношений к другим людям, что выражается в крайне низкой оценке ими значимости межличностного общения, в склонности воспринимать и оценивать партнера, независимо от его действительного поведения, как заведомо недоброжелательного и враждебного. Указанные особенности имеют обобщенный характер, проявляющийся у подавляющего числа насильственных преступников³.

Анализ статистических данных свидетельствует, что рубеж XX-XXI веков характеризуется заметным повышением уровня насильственной преступности как в Казахста-

¹ Лунеев В.В. Преступная мотивация. – М., 1991. – С. 230

² См. Ратинов А.Р., Михайлова О.Ю. Жестокость как правовая и нравственная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. М., 1985. – С. 15.

³ См.: Баронин А.С. Психологический профиль убийц. Пособие по криминальной психологии и криминалистике. – Киев, 2001. – С.49-89

не, так и за рубежом. При этом следует учитывать и ее высокую латентность. Во всяком случае, высокие показатели лиц, без вести пропавших и находящихся в розыске, позволяют предположить, что даже самые тяжкие и зримые общественно опасные деяния – убийства – не всегда оказываются учтенными.

Высока доля латентных изнасилований, что объясняется не только естественным чувством стыда и страха, испытываемым потерпевшими, но и сложившимися в обществе стереотипами о «вине» самой жертвы, о «заслуженности» ее участи, преодолеть которые иногда оказывается труднее, чем пережить случившееся. Причинение вреда здоровью, побои, особенно имеющие место в быту, также нередко оказываются скрытыми от правоохранительных органов по причине того, что совершаются в семье близкими людьми, родственниками. Можно объяснить высокий уровень латентности насильственных преступлений и недоверием к органам уголовной юстиции.

Динамика насильственных преступлений за последние годы выглядит неблагоприятно. Наблюдается устойчивая тенденция роста количественных показателей этой группы, что заставляет проблему насилия в современном казахстанском обществе обозначить как одну из важнейших социальных проблем. При этом прослеживается качественное осложнение насильственной преступности: повышается степень ее общественной опасности, растет удельный вес тяжких преступлений против личности, совершаемых в маргинальной среде, т.е. среди алкоголиков, наркоманов, бродяг и т.п. Возрастает доля преступлений, совершенных с особой жестокостью, с корыстной мотивацией. Увеличилось число особо опасных рецидивных субъектов, преступников с психическими отклонениями.

Все эти негативные явления нуждаются в тщательном анализе. Одним из его перспективных направлений, по нашему убеждению, является изучение роли жертвы в генезисе рассматриваемых преступлений. При исследовании агрессивного насильственных преступлений специалисты-криминологи и психологи заметили, что источником острого конфликтного противоборства нередко является сама жертва, действия которой содержат в себе грубую провокацию агрессии, что проявляется либо в унижении человеческого достоинства и иных значимых ценностей, либо в необоснованном применении физической силы. Вследствие этого собственное насильственное поведение как способ разрешения проблемы воспринимается правонарушителем как субъективно оправданное.

Практически все исследователи разделяют мнение о том, что детерминация насильственных преступлений определяется взаимодействием объективных и субъективных факторов: первые создают возможность совершения преступления, вторые – особенности его реализации. По нашему мнению, среди субъективных факторов насильственных преступлений особое значение имеет не только склонность преступника к выбору той или иной тенденции поведения в конфликтной или любой другой жизненной ситуации, но и то, как он воспринимает эту ситуацию, себя и жертву в ней. Именно поэтому роль жертвы как элемента ситуации, в которой совершается насильственное деяние, нам представляется весьма важной. Однако следует иметь в виду, что свойства личности и поведение жертвы лишь тогда могут влиять на общую оценку деяния, когда они были определенным образом восприняты виновным, т.е. нашли отражение в его сознании.

Подобный интерес к психологическим и субъективным факторам преступного поведения обусловлен обозначенным выше стремлением к анализу насильственной преступности с учетом мотивации преступного поведения. Мотивация насильственного преступления, как нам кажется, коррелирует с соответствующим типом личности преступника и комплексом взаимосвязанных между собой объективных предпосылок, т.е. со всей совокупностью объективных и субъективных причин. Именно на основе изуче-

ния совокупности этих факторов возможны анализ, прогноз и предупреждение насильственной преступности.

Непреходящей и приоритетной социальной ценностью является жизнь человека, его здоровье и свобода. Поэтому всесторонний целостный анализ преступного насилия, его закономерностей и тенденций имеет исключительное не только криминологическое, но и социально-политическое значение. В настоящее время равенство всех граждан перед законом и судом, право на жизнь, достоинство, свободу и личную неприкосновенность стали международными и национальными конституционными нормами, в том числе и в Казахстане.

Однако между этими нормами и криминологической действительностью существует разительное несоответствие. Более того, ни развитие науки и техники, ни освоение новых технологий, ни рост образования и культуры народа, ни даже утверждение общепринятых цивилизованных прав человека и гражданина не устранили преступных посягательств против личности, страха людей перед преступностью, их опасений за жизнь и здоровье. Тревожная статистика насильственных преступлений заставляет ученых вновь и вновь обращать внимание на проблему насилия и искать пути ее преодоления. При этом нелепо ставить перед собой утопические цели полного уничтожения насилия и агрессивности. Полностью уничтожить это вечное, как видно из истории человечества, явление нельзя, поскольку, как бы мы ни старались, нам никогда не постичь абсолютной истины. Но к познанию ее можно приблизиться. Для этого нужны серьезные и заинтересованные исследования, усилия государства и всего общества, проявляемые не в сиюминутных программах борьбы с насилием или шумными обсуждениями в прессе очередных ЧП, а комплексными, научно обоснованными мероприятиями, направленными в конечном счете на создание условий, способствующих позитивному нравственно-психологическому формированию личности и нейтрализации ее нездоровой биологической заданности.

Түйін

Мақалада автор зорлық-зомбылық көрсету және қоқан-лоққылық жасау мәселелерін әр түрлі бағытта зерттеп жүрген ғалымдардың еңбектеріне сүйеніп, осы сияқты құбылыстардың себептері мен жай-күйін талдай отырып, олардың өмірде туындаудағы заңдылықтарын ашуға және оған қарсы тұру жолдарын көрсетуге тырысады. Автор адамдардың бір-біріне қоқан-лоққы жасап, өз талап-тілектерін күш көрсету, қорқыту арқылы жүзеге асыруға тырысуын, ең алдымен, біртұтас кешендік міндеттерді шешуді талап ететін әлеуметтік-психологиялық мәселе ретінде қарайды. Өйткені қазақстандық қоғамда жеке тұлғаны қалыптастыруға қолайлы жағдай жасауды басқаша жолмен шешу мүмкін емес.

Annotation

Causes and conditions of such phenomena as problems of violence and aggression in a society have been analyzed on the basis of scientific research, the attempt to reveal the conformities of their existence and to develop adequate relation to them has been taken in the article. Together with it a human aggression and tendency for violent means of personal needs realization has been seen by the author, first, as a social-psychological problem demanding solution of the whole complex problems, on way or another aimed at the favorable conditions formation of the personality development in a modern Kazakhstani society.